

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Марианна ДУДАРЕВА

АПОФАТИЧЕСКИЙ ПУТЬ ВАЛЕРИЯ ДУДАРЕВА (о стихах последних лет)

Русский поэт Валерий Дударев, который уже ушел от нас в зоны времени, кажется, необъяснимого не любил. Как-то возник в редакции журнала «Юность» вопрос о возобновлении рубрики, посвященной прочтению классической литературы. Я предложила назвать ее «Необъяснимое в русской литературе». Но главный редактор Валерий Дударев возразил, мол, «кому это необъяснимое надо... давай „Ключи чтения“ назовем». Так оно и повелось... Однако мне все-таки удалось напечатать пару заметок, посвященных *неведомым* пушкинским дорожкам из «Руслана и Людмилы» и загадочной *перебранке* между Печориным и девушкой-контрабандисткой из «Тамани» Лермонтова. После редактор как-то смягчился, и, как оказалось, у него и самого в творчестве есть ряд весьма таинственных апофатических стихотворений. Сначала они, казалось, как бы были разбросаны в лаборатории поэта, мерцая, как звезды в ночи. Вот, например, это:

И ливня заклинанье,
И ветра гнев
В могучем завыванье
Слепых дерев.

Марианна Дударева — литературовед, фольклорист, кандидат филологических наук. Окончила Ивановский государственный университет, филологическое отделение (выпускница кафедры русской словесности и культурологии, ученица фольклориста В. А. Смирнова) и аспирантуру филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. В настоящее время является преподавателем кафедры русского языка ФРЯ и ОД РУДН. Лауреат премии им. Владимира Лакшина (2017). Автор более 100 научных статей о русской литературе и фольклоре и монографий «„В один голос“: фольклорная традиция в поэтике С. А. Есенина и В. В. Маяковского» (2016), «Mortality in Russian literature» (2017), «Ни то ни се. Неправильное литературоведение» (2017), «Поиски „иного царства“ в русской литературе XIX — начала XX века: фольклорная эстетика» (2018).

Ни ясные поляны,
 Ни нас, ни вас
 Не видят великаны —
 Нет глаз.

Сверкнет в топорном раже
 Смертельный миг.
 Они не видят даже
 Кто — их.

Что тут вроде бы неясного? Но ведь отчего-то *жутко* становится при чтении этих строк, которые никак нельзя полностью понять; осознать глубину онтологического смысла без картины Босха «Слышащий лес и зрячее поле». Именно эта картина предвараляет главный сборник стихов поэта «Ветла». Деревья, может, и не видят, кто их рубит, но слышат... Они чувствуют, отсюда и могучее завыванье слепых деревьев, которые вобрали в себя всю первозданную ярость стихии — *ливня заклинанье и ветра гнев*. В этом и кроется апофатизм, необъяснимое в стихотворении. Русская поэзия пошла по *апофатическому пути* развития, в образах неясного, неведомого, неизреченного сокрыто больше, чем мог бы открыть язык. В русской лингвокультуре эти категории выражены через отрицание, в том числе и глагольное, которое, возможно, не так сильно, как в немецком языке, но все-таки выполняет свою функцию. Обычно с апофатикой связан феномен смерти, притягательного и самого невыразимого явления, по мысли Кристиана Харта, автора «Эстетики смерти». Но здесь же для русского человека возникает вопрос и возрождения, перерождения через смерть, явления *света во тьме*, вечернего и невечернего. У Дударева найдем в стихах такую мифологему светотьмы в стихотворении «Предназначение»:

Есть высшая доля — однажды,
 Всю жизнь отложив на потом,
 Пойти одиноким, миражным —
 Проселочным диким путем.

Но в той навалившейся
 доле,
 Когда опускается мгла,
 Есть счастье: добраться
 до поля,
 Увидеть, как дремлет ветла,

Печальную кликнуть старуху
 В глухом, незнакомом селе,
 Свою разделить с ней краюху
 На этой вечерней земле,
 А там, уж совсем по старинке,
 Как будто столетия назад,
 Испить из предложенной
 крынки
 Под долгий, внимательный
 взгляд,

А после скупого прощанья
Услышать «Исусе спаси!»,
Сдержать вековые рыдания —
И дальше пойти по Руси.

Во-первых, поразительно ощущение пространства — обязательно пройти проселочным диким путем, то есть тем, что на отшибе, за городом, за пределами *данного*... И во мгле, когда еще не темно, но уже и не светло, разглядеть ветлу, подглядеть за ней. Стоит ли говорить о том, что образ ветлы знаковый для поэтики Валерия Дударева. Но он обладает семантической напряженностью в целом, семантически заряжен в текстах классиков: «Лесном царе» В. А. Жуковского, «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина, стихах С. А. Есенина. Именно с ветлой, сестрой ивы и ракиты, связана *иномирная эстетика* детских колыбельных про серого волчка. И вот в дударевской мгле встречается притаившаяся ветла, которая превращается в ось мира в незнакомом селе, поскольку эта незнакомость и безымянность указывают на инаковость, иномирность. И старуха, конечно, не случайна. Она не только вечная странница, но и посланница, дарительница, с которой предстоит лирическому герою испытать из предложенной кринки.

Во-вторых, примечательно ощущение времени — земля вечерняя, апофатическое зарождение внутреннего света в герое, который должен сдержать обещание дальше следовать по Руси в поисках ответов, вероятно, на проклятые вопросы. Этот русский проселочный путь непременно равнинный, а русская равнина обладает особым апофатизмом. Культурный герой должен прожить и пережить такое путешествие (вспомним «Колокольчики мои...» А. К. Толстого или «Степь» А. П. Чехова). Стихи последних лет, написанные за год до смерти, сквозь апофатичны. Особенно выделяется из мини-цикла «Сосна», повергающая читателя своей концовкой в *онтологический* тупик и требующая предельной внутренней напряженности.

Цветок

Где звезды падают поныне,
Где камень вечен и жесток,
Не то в глуши, не то в пустыне
Рос цветок.
В нем сила истины звучала,
Подвластна Богу одному.
И Божья мать отвечала
Великолепием ему.
И божий сын в завете твердом
Еще до всякого креста
Ему рассказывал с восторгом
Про арамейские места.
И рядом не было ни пчелки,
Ни человеческой руки,
Лишь плакал ветер, словно четки,
Перебирая лепестки.

Сосна

Осталась жизнь, осталась тайна
Непостижимая одна.

Своей минуты увяданья
Ждала сосна.
Ее смола янтарно, сочно
Одoleвала тьму и мглу.
И всем понятно — вот же солнце
К земле стекает по стволу.
Чужие люди подходили
К ней новогоднею гурьбой,
Но тайны этой не открыли
И мы с тобой.
Когда с обрыва мчатся сани,
Когда лыжни обнажены —
Тогда вот кажется в тумане,
Что нет — и не было сосны.

Посвящено Андрею Шацкову

Я простой православный —
Родовой, рядовой.
Непутевый, не главный —
Я хребет становой!
Как великую тайну,
«Отче наш» повторю,
Хоть давно не пытаюсь
Доползти к алтарю,
Где крепка и парадна
Вся церковная рать
Может в раз беспощадно
И хвалить, и карать.
Я затих у крылечка
В дальнем храме в углу,
Где дешевая свечка
Распечатала мглу.
Я молюсь, как скотина,
В эту самую мглу,
А старушки мне в спину
Посылают хулу,
А дьячок пьяный позже
Хмыкнет: «Ну, и артист!»
А еще я раб божий,
А еще — атеист.
Я и ровный, и равный,
Я и зэк, и конвой.
Я — простой православный.
Родовой, рядовой.
Я за Русь, за Победу
Под вороний ли грай
Божьей волей поеду
То ли в ад, то ли в рай.

Я ропщу. Я — доволен.
Я — изгой. Я — народ.
И гудит с колоколен:
«Коммунисты, вперед!»

Качание деревьев в августе

Он увидел — увидел, себе на беду,
Качание олив в Гефсиманском саду,
Какого не знали ни жрец, ни мудрец,
Какое увидел лишь Он да Отец.

Родные, не бойтесь, откройте все двери,
Ведь реквием вечен не год и не век.
Пускай на земле остаются Сальери
И черный хохочет опять человек.

Важней впереди очертанье Голгофы,
Важней кипарисы — туги и прямы.
Пускай на земле оболгут «Меренгофы»
Качанье деревьев вдоль света и тьмы.

Молитвой наполнятся звуки простые
Сверчка и цикады в назначенный час.
Лишь в августе ночи, как мед, золотые
Одарены отсветом греческих ваз.

Земная механика крутит вселенной,
Холодные звезды в ладонях согрев,
Пока еще есть на земле этой тленной
Пространство и время качанья дерев.

* * *

Здесь улицы нету Овидия.
Домишки, окошки, чай.
Какая глухая провинция!
Какая простая печаль!

Но только вот здесь между грозами
В вечернем затишье поймешь
Со всеми узорами, взорами,
Что небо с земли не сотрешь.

Засветит цветок с подоконника,
И крест на могиле пустой —
Иконы здесь будут — иконами,
Звезда — Вифлеемской звездой.